

А. С. Косинская, С. В. Кравченко

**КАТЕГОРИЯ ЖАЛОСТИ В «РАСТОРЖЕНИИ БРАКА»  
К. С. ЛЬЮИСА И «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ» ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.08.2022 г.

Принята к публикации 20.12.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8

82

**Для цитирования:** Косинская А. С., Кравченко С. В. Категория жалости в «Расторжении брака» К. С. Льюиса и «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 82–89. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8.

*Категория жалости в текстах двух инклингов – К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкина – рассматривается в контексте этической бинарной оппозиции «добро и зло». Льюис писал «Расторжение брака» с целью опровергнуть известную художественную идею Уильяма Блейка о плодотворном союзе Рая и Ада, олицетворяющем творческое смешение добра и зла и, как следствие, размытие границ основных этических категорий, проявляющееся в моральном релятивизме человека XX и, пожалуй, XXI в. Жанр «Властелина колец» Толкина можно определить как эпическое фэнтези, посвященное вечной борьбе добра и зла. Противостояние двух членов интересующей нас этической оппозиции – в центре повествования Толкина. В обоих рассматриваемых произведениях добро и зло не относительные категории, присущие воспринимающему сознанию, но бытийные категории мироустройства. Для человеческого разума эта бинарная оппозиция является, по мысли Льюиса, «ключом к пониманию Вселенной». Метод сопоставительного анализа позволяет выявить единство и в то же время различия в репрезентации категории жалости в творчестве двух инклингов. В аспекте соотносительности с базовой этической оппозицией анализируется категория жалости в текстах Льюиса и Толкина, рассматриваются различные значения (модели) жалости, выявляется специфика раскрытия этой категории в сюжетах «Властелина колец» и «Расторжения брака».*

**Ключевые слова:** Льюис, Толкин, «Расторжение брака», «Властелин колец», хоббит, жалость, добро, зло, бинарная оппозиция

**1. Бинарная оппозиция «добро и зло»  
в текстах Льюиса и Толкина**

К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкин близки не только в художественном контексте английской христианской мифопоэтической литературы XX в., но и в контексте литературной жизни. В начале 1930-х гг. они основали филологический дискуссионный клуб «Инклинги» (от англ. «inkling» – «намеки», а также «тот, кто перепачкан в чернилах»).



Инклингов объединял интерес к философии слова, мифу и литературе. Во время собраний зачитывались и обсуждались фрагменты неоконченных произведений, таких как «Властелин колец», «Расторжение брака», «За пределы Безмолвной планеты» и др.

В 1945 г. К. С. Льюис опубликовал произведение под названием «The Great Divorce», жанр которого он и другие члены литературного товарищества инклингов определили как «a dream» (сон, видение) [9; 12]. Поскольку текст построен как описание сна о загробной жизни, то, на наш взгляд, правомерным будет определить его жанр как эсхатологическое видение [3]. Обращение писателя к жанру, характерному скорее для средневековой литературы, чем для литературы XX в., неудивительно, так как автор, долгие годы профессионально исследовавший литературу европейского Средневековья в университетах Оксфорда и Кембриджа, отмечал, что склонен воспринимать многие вещи и видеть мир, как человек Средних веков [14, р. 47]. Пожалуй, первое, что бросается в глаза читателю «Расторжения брака» — это яркое несоответствие названия содержанию произведения. Эффект обманутых ожиданий читателя подчеркивает основную идею, вынесенную в сильную позицию текста. Эта идея состоит в полемике с мыслью Уильяма Блейка о том, что рай и ад, а вместе с ними и этические категории добра и зла взаимозависимы и обуславливают существование друг друга. «Если У. Блейк описал в своей поэме “The Marriage of Heaven and Hell” бракосочетание Рая и Ада, то К. С. Льюис посвятил свой текст “The Great Divorce” закономерному, по его мнению, расторжению этого брака» [2, с. 172]. Дж. Р. Р. Толкин является в этом отношении единомышленником Льюиса. Его герои так же не могут сохранить даже малой толики зла перед лицом Истины. На протяжении многих лет Бильбо Бэггинс наслаждается мирной и относительно добродетельной жизнью, изредка используя для своего блага кольцо всевластия, но и ему в определенный момент предстоит сделать решающий выбор и расстаться с «прелестью». Таким образом, в прозе двух инклингов утверждается жизненная необходимость этического выбора между добром и злом, и, поскольку судьбы мира во «Властелине колец» и вопрос о личном спасении в «Расторжении брака» напрямую зависят от этого выбора, то он, по сути, приобретает статус экзистенциального акта. Более того, всякая антропологическая категория в эсхатологическом видении К. С. Льюиса рассматривается через призму непримиримости категорий добра и зла, и с точки зрения основной в этом тексте этической оппозиции большинство категорий жизни человека имеют как светлого, так и темного аллегорического двойника. Так, например, любовь может обернуться для человека как спасением, так и гибелью. «Чем выше и сильнее что-то в естественной иерархии, тем будет страшнее оно в мятеже. Бесы — не падшие блохи, но падшие ангелы» [5, с. 96]. Дихотомичность в целом характерна для художественного мышления К. С. Льюиса, который еще в ранних стихах противопоставлял, к примеру, разум и фантазию (см. стихотворение «Reason»), полагая, что их синтез помог бы ему обрести веру. Как справедливо отметил Питер Шейкел, «Льюис испытывал серьезную потребность в осознании роли разума, которая состоит не в том, чтобы играть в интеллектуальные игры, но в поиске истины» [16, р. 21]. Это осознание, по мысли исследователя, стало



важным фактором для принятия Льюисом христианства, выбора, который требовал «взаимодействия разума и воображения» [16, р. 22]. Именно такое взаимодействие мы наблюдаем в «Расторжении брака»: здесь синтезированы воображаемые и чрезвычайно образные ад и преддверие рая, увиденные во сне вместе с их обитателями и посетителями (работа творческого воображения), и сложнейшие богословские вопросы с ответами праведников на них (тончайшая работа разума и логики). Гармоничное сочетание аллегорико-метафорической образности с рациональной богословской дискуссией, переданное простым и в то же время поэтическим языком, является, на наш взгляд, основной особенностью текста Льюиса.

Специфика «Властелина колец» в контексте бинарной оппозиции добра и зла состоит в сложности, изначальной неоднозначности художественного образа. В книге «Герои Толкина» Дэвид Дэй отмечает, что в характере Бильбо Бэггинса «есть нечто особенное и противоречивое» [1, с. 155]. С одной стороны, это типичный хозяйственный, общественный и прагматичный хоббит, с другой — он выбран в качестве взломщика («a burglar»). С точки зрения хоббитьего общества, его роль в походе — это роль преступника, «которого сторонится общество» [1, с. 156]. При этом, как отмечает исследователь, в художественном мире английской волшебной сказки взломщик зачастую — «знаменитый герой, славный мастерством, умом и отвагой» [1, с. 156], как, например, в сказке «Джек и бобовый стебель». «Типичен он и для множества мировых мифов, где герой путешествует в иной мир и похищает сокровище, волшебное оружие или даже секрет добывания огня» [1, с. 156]. Таким образом, в социальной реальности Хоббитании Бэггинс внезапно получает приглашение стать преступником, в то время как в мифопоэтической реальности текстов Толкина он приглашен на роль героя и храбреца. Такое раздвоение говорит об идейной многоплановости «Властелина колец» и «Хоббита», на которую не раз указывали исследователи творчества Толкина [6; 7; 11].

## 2. Истоки и смысл жалости во «Властелине колец»

Первым милует Горлума Бильбо Бэггинс (еще в «Хоббите»), и в тексте подчеркивается, что герой не убивает врага из чувства справедливости (Бильбо был невидим благодаря кольцу), жалости и сочувствия сопернику. «Это сочувствие было сродни озарению», — комментирует автор [10, с. 108]. Более того, чувство жалости (сочувствие врагу) «придало Бильбо решимости и сил» [10, с. 108]. Так, чувство жалости переходит в мгновенное действие. Это же чувство не раз переосмысливается главными героями «Властелина колец». Выслушав в главе «Тень прошлого» рассказ Гэндальфа, Фродо сначала восклицает: «О какая жалость, что Бильбо не убил эту подлую тварь (Горлума. — А. К., С. К.), ведь он мог это сделать, мог!» [8, с. 75]. Гэндальф отвечает на это игрой слов: «Жалость? Да, Жалость, именно она остановила Бильбо» [8, с. 75]. («What a pity that Bilbo did not stab that vile creature, when he had a chance!» — «Pity? It was Pity that stayed his hand» [17, р. 73]. Отметим, что лексема “Pity” («Жалость») в речи Гэндальфа выделена написанием с заглавной буквы, при передаче реплик Фродо этого не происходит, потому что герой



заявляет, что у него «нет к Горлуму никакой жалости» [8, с. 75]. Такое выделение автором лексемы говорит о значимости обозначенного ею концепта. Более того, его значение уточняется Гэндальфом, который словно ищет наиболее точное слово для обозначения мотива поведения Бильбо. Оказывается, что это жалость в сочетании с Милосердием (снова с заглавной буквы). «Pity, and Mercy: not to strike without need» [17, p. 73]. Здесь же за лексемой «Милосердие» следует констатация морального закона: «Нельзя убивать без нужды» [8, с. 75]. Соблюдение этого закона в конечном счете и спасает Бильбо от губительного воздействия кольца. Таким образом, с точки зрения Гэндальфа (а эта точка зрения в начале повествования наиболее приближена к авторской), Жалость и Милосердие стоят в одном синонимическом ряду, обозначая высокие этические ценности, сопряженные с моральным законом.

Отметим, что ни Фродо, ни Сэм Гэмджи изначально не разделяют такое понимание концептов, явно недооценивая роль Жалости. Во время пути в Мордор мнение Фродо постепенно меняется. Встретив Горлума, он сначала повторяет поведение Бильбо (не убивает врага даже после того, как тот не единожды пытается убить его), а позже вспоминает и мысленно дословно воспроизводит рассуждения Гэндальфа на этот счет. Герой осознает, что не вправе отбирать у другого жизнь уже потому, что он ее не давал и не в силах вернуть. Поэтому чувство жалости осмысливается в тексте Толкина как благо, близкое по своей сути к милосердию. При этом щедро наделенный житейской мудростью Сэм осознает, что Горлум явно злоупотребляет проявленной ими жалостью и готовится их предать. Таким образом, жалость становится оружием в руках вызывающего к ней предателя и убийцы. Эта мысль мучает Сэма еще больше оттого, что он постоянно убеждается в ее верности. Таким образом, во «Властелине колец» представлено две модели жалости: жалость как проявление милосердия и однозначное благо — взгляд Гэндальфа и Фродо, и жалость как орудие манипуляции — взгляд Горлума и Сэма. Уникальным, на наш взгляд, в тексте Толкина является то, что жалость Фродо и Сэма, использованная Горлумом против героев и едва не погубившая их в сетях Шелоб, в последний момент спасает Фродо, и орудием этого спасения становится Горлум, именно он по воле Провидения уничтожает кольцо. Таким образом, даже злоупотребление жалостью в конечном счете может быть использовано во благо. Провиденциализм (случайность отрицается в художественном мире Толкина) подразумевает присутствие второй модели жалости, которая преобразует сюжет в сторону победы добра над злом, поэтому две модели становятся неравнозначными.

### 3. Виды и формы жалости в «Расторжении брака»

В тексте эсхатологического видения Льюиса категория жалости представлена неоднозначно: жалость описывается как великое благо, которое, однако, нередко применяется против человека. Так, Сара Смит, именуемая также Прекрасной женщиной, в сопровождении ангелов и в сиянии славы встречает своего земного мужа, Фрэнка, олицетворяющего манипулирование людьми и злоупотребление жалостью. Фрэнк в тексте представлен, пожалуй, как страннейший из призраков.



«I turned and saw an oddly-shaped phantom approaching. Or rather two phantoms: a great tall Ghost, horribly thin and shaky, who seemed to be leading on a chain another Ghost no bigger than an organ-grinder's monkey» [15, p. 82]. («Я посмотрел и увидел очень странного призрака. Вернее, это были два призрака. Один, высокий и тощий, волочил на цепочке маленького, с мартышку ростом») [5, с. 107]. Высокий и тощий напомнил повествователю «трагика», «плохого актера старой школы». Очевидно, он alter ego или олицетворенная маска карлика, к которому и обращается Прекрасная женщина. Трагический актер, или alter ego Фрэнка, — искусный и злой оратор, говорящий пламенные речи о священной любви и глубочайшем страдании и тоске, которая истончает его душу. Основная тема всех его монологов — это чувство собственного достоинства (униженное женщиной, которую он любит). При этом нетрудно заметить особенность его речей — в каждом высказывании прочитывается упрек в адрес собеседника. Так красивые высказывания маскируют непрестанную игру на жалости и чувстве вины. При этом Сара Смит, по-видимому, знает и понимает Фрэнка лучше, чем он сам способен себя понять. Прекрасной женщине дано видеть призрака «насквозь» (в том числе и в переносном смысле слова). «Even as a child you did it. Instead of saying you were sorry, you went and sulked in the attic... because you knew that sooner or later one of your sisters would say, "I can't bear to think of him sitting up there alone, crying." You used their pity to *blackmail* them, and they gave in in the end. And afterwards, when we were married» [15, p. 90] («Ты и в детстве так делал. Чем просить прощения, ты шел поплакать на чердак... Ты знал, что кто-нибудь из сестер скажет рано или поздно: "Не могу, он там плачет". Ты шантажировал их, играл на жалости, и они сдавались. А потом со мной...») [5, с. 115].

Весьма необычный (даже для призрака) образ Фрэнка иллюстрирует «страсть, именуемую жалостью» [5, с. 119]. Такой вид жалости, по мнению проводника главного героя в мире мертвых Дж. Макдональда, является оружием зла против добра. Наставник предупреждает главного героя о мнимом благородстве заблуждения людей, заявляющих, что они «не примут спасения, если хоть одна душа останется во тьме» [5, с. 119]. Опасность, по мнению учителя, состоит в том, что «собака на сене может стать "тираном мироздания"» [5, с. 119]. Но Макдональд повествует и о другом виде жалости. Жалость как действие является орудием добра. «It leaps quicker than light from the highest place to the lowest to bring healing and joy, whatever the cost to itself. It changes darkness into light and evil into good. But it will not, at the cunning tears of Hell, impose on good the tyranny of evil» [15, p. 92] («Она летит быстрее света с высот в низины, чтобы исцелить и обрадовать любой ценой. Она обращает тьму в свет, зло — в добро. Но она не может отдать добро в рабство злу») [5, с. 119].

Таким образом, в эсхатологическом видении Льюиса понятие «жалость» имеет два значения, состоящие между собой в отношении бинарной оппозиции: жалость-действие (стремление помочь и обрадовать, милосердие) и жалость-страсть (чувство вины, которое используется для тирании и манипуляций). Тем самым логически опровергается религиозное заблуждение, ставящее под сомнение возможность райского блаженства при адских муках грешников.



Исследователь творчества Льюиса Г. С. Кутсона справедливо отметил, что святые в тексте «The Great Divorce» преисполнены радостью и светятся от ее избытка. «И наоборот, отказаться от радости значит предпочесть жизнь в аду, что и делает Карлик в “Расторжении брака”, даже когда Сара Смит, его земная жена, призывает его принять радость Небес. А ведь Сара Смит могла “разбудить всех умерших во Вселенной для вечной жизни” своей абсолютной радостью» [13, р. 53]. Соответственно, радость в «Расторжении брака» (как и во многих других художественных произведениях Льюиса) — своеобразный критерий, относящий отдельные явления к категории добра. Интересующее нас явление жалости может быть отнесено к этической категории добра при условии, что проявления жалости действительны и приносят радость как субъекту, так и объекту чувства.

### Выводы

Таким образом, категория жалости в рассмотренных текстах Толкина и Льюиса имеет два основных значения:

- жалость как проявление милосердия, или добро в действии;
- жалость-страсть, подчиняющая милосердного человека тирану.

Следовательно, жалость в текстах Льюиса и Толкина может относиться как к этической категории добра, так и к категории зла. Вторая модель (значение) жалости вовсе не отрицает целесообразности первой благодаря провиденциальности текстов двух писателей. Так, вмешательство Божьей воли в судьбы героев способно не только оправдать жалость праведника к «тирану мироздания», как в «Расторжении брака» Льюиса, но и даже использовать несвободу второй модели жалости во благо (в том числе и для освобождения) героя, что происходит во «Властелине колец» Толкина.

### Список литературы

1. Дэй Д. Герои Толкина. М., 2020.
2. Косинская А. С. Образы добра и зла в повести К. С. Льюиса «The Great Divorce» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2021. №6. С. 172–181.
3. Косинская А. С. Образ проводника в эсхатологическом видении «The Great Divorce» («Расторжение брака») К. С. Льюиса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. №2. С. 89–97.
4. Королев К. М. Толкин и его мир : энциклопедия. М., 2003.
5. Льюис К. С. Сказание об аде и рае, или Расторжение брака. М. ; СПб., 2010.
6. Паксютов Г. Д. Толкин и скрытые смыслы «Властелина колец». М., 2021.
7. Прашкевич Г. М., Соловьев С. В. Толкин. Дон с Бычьего Брода. М., 2019.
8. Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец : в 2 ч. / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб., 1992.
9. Толкин Дж. Р. Р. Письма / под ред. Хамфри Карпентера и Кристофера Толкина / пер. с англ. С. Лихачевой. М., 2004.
10. Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно / пер. с англ. К. Королёва, В. Тихомирова. М. ; СПб., 2009.



11. Шунну Т. А. Дорога в Средьземелье. СПб., 2003.
12. Barfield O. On C. S. Lewis. Oxford, 2011.
13. Cootsona G. S. C. S. Lewis and the Crisis of a Christian. Westminster, 2014.
14. Lewis C. S. De Description Temporum, Inaugural Lecture as Professor of Medieval and Renaissance English at Cambridge University, November 29, 1954 // Grayson Carter Beyond Personality: Recollections of C. S. Lewis. The C. S. Lewis Journal. 2008. Vol. 2, iss. 1. P. 47–68.
15. Lewis C. S. The Great Divorce. L., 2009.
16. Shakel P. J. C. S. Lewis: Reason, imagination and knowledge // C. S. Lewis and friends / ed. by D. Hein, E. Eugene Henderson. Wipf and Stock publishers, 2011.
17. Tolkien J. R. R. The Hobbit or there and back again. Dublin, 2020.

### Об авторах

Александра Сергеевна Косинская – канд. филол. наук, независимый исследователь, Калининград, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Сергей Васильевич Кравченко – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ocsfinn@mail.ru

*A. S. Kosinskaya, S. V. Kravchenko*

**THE CATEGORY OF PITY IN «THE GREAT DIVORCE»  
BY C. S. LEWIS AND «THE LORD OF THE RINGS»  
BY J. R. R. TOLKIEN**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 09 August 2022

Accepted 20 December 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8

**To cite this article:** *Kosinskaya A. S., Kravchenko S. V.* 2023, The category of pity in «The Great Divorce» by C. S. Lewis and «The Lord of the Rings» by J. R. R. Tolkien, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 82–89. doi: 10.5922/pikbfu-2023-1-8.

*The article analyzes the main features of the category of pity in the texts of two inklings – C. S. Lewis and J. R. R. Tolkien in the context of the ethical binary opposition of “good and evil”. This binary opposition is not randomly chosen: Lewis wrote “The Great Divorce” in order to refute the famous artistic idea of William Blake about a fruitful union or the marriage of Heaven and Hell, which personifies the creative mixture of good and evil, and as a result, the blurring of the boundaries of the main ethical categories, manifested in the moral relativism of man of the twentieth (and, perhaps, the twenty-first) centuries. The genre of the text “The Lord of the Rings” by Tolkien can be defined as an epic fantasy dedicated to the eternal struggle of good and evil. The confrontation between the two members of the ethical binary opposition of interest to us is at the center of Tolkien’s narrative. In both Lewis’s text and Tolkien’s work, good and evil*



*are not relative categories inherent in the consciousness of the perceiving person, but existential categories of the world order. This binary opposition is, according to Lewis's thought, "the key to understanding the universe". The method of comparative analysis makes it possible to reveal the unity and at the same time minor differences in the representation of the category of pity in the work of the two inklings. From the point of view of correlation with the basic ethical binary opposition, the category of pity in the texts of Lewis and Tolkien is analyzed. Different meanings (models) of pity are considered, the main features of realisation of this category in the texts of "The Lord of the Rings" and "The Great Divorce" are described.*

**Keywords:** Lewis, Tolkien, "The Great Divorce", "The Lord of the Rings", hobbit, pity, good, evil, binary opposition

#### The authors

Dr Alexandra S. Kosinskaya, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Sergey V. Kravchenko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ocsfinn@mail.ru